

С. А. Сукало

Механизмы и символические практики сохранения и трансляции культурных кодов в российском политическом пространстве

В статье раскрываются особенности функционирования культурно-символических практик в политическом пространстве как технологий манипулирования массовым сознанием. Автор описывает механизмы сохранения и трансляции «кодов культуры» как основы формирования «эпистемологических матриц» в политическом пространстве России.

Ключевые слова: коды культуры, символическая политика, коллективная память, коллективное бессознательное, знаково-коммуникативная система, эпистемологическая матрица

Sergey A. Sukalo

Mechanisms and symbolic practices of preservation and transmission of cultural codes in the Russian political space

The article reveals the peculiarities of the functioning of the cultural and symbolic practices in the political space as the techniques of manipulation of mass consciousness. The author describes the mechanisms to preserve and broadcast «codes of culture» as the basis for the formation of «epistemological matrices» in the political environment of Russia.

Keywords: codes of culture, the symbolic politics, collective memory, collective unconscious, symbolic communication system, the epistemological matrix

Современное политическое пространство России характеризуется сложной конфигурацией взаимодействия факторов, имеющих глубинные культурные основания как в подходах к современной трактовке социальной реальности, так и проявляющееся в позиционировании ценностных систем, продвижении кодов и практик различных типов общественного развития.

В постмодернистской философии разрушение социального целого и конец социальности трактуется как его подмена гетерогенным текстом, не имеющим какой-либо определенности. Отказ от представлений о модели мира, постулирование равновероятности и равноценности всех составляющих реальность элементов, создание постмодернистского терминологического аппарата, поливариантность схем интерпретации призваны снять вопросы о существовании истины, смысле бытия, объективном знании. При этом, приоритет в исследовании социальной реальности отдается меняющимся знаковым формам. Текст культуры (в т. ч. и текст-символ) в силу его многомерности рассматривается в качестве ризомы, что определяет приоритет динамических концептов типа «случай», «игра», «спонтанность» в понимании реалий современного общественного развития¹.

Отрицается сама возможность действующих акторов интегрировать социальное пространство. Приоритет отдается практикам конструирования (П. Бергер, Т. Лукман и др.)²

социума вне учета базовых культурных оснований (религия, менталитет, этос, традиции, мифы, коды и тексты культуры и др.). Данные культурные факторы, не позволяющие «рассеивать социальность», а создающие энергию сопротивления практикам деконструкции национально-культурного бытия, формирования универсальной глобальной матрицы неопределенности проявляются в типе сознания, общественных настроениях, жизненных стилях, специфике понимания и интерпретации фактов повседневности.

П. Сорокин в теории социокультурной динамики общества отмечал, что господствующий тип культуры, созданной определенной социальной группой, формирует тип сознания людей в рамках этой культуры. При этом «любая социокультурная система, пока она существует и функционирует, непрерывно порождает последствия, которые являются результатами не внешних факторов, а существования и жизнедеятельности самой системы»³.

Исторически сложившиеся ценности, традиции, обычаи, социокультурные стили, эпистемологические императивы и фильтры, стереотипы мышления закрепляются в культурно-символических формах, репрезентируемых и сохраняемых в кодах культуры. Являясь своего рода «культурным бессознательным», системой определенных индикаторов, правил обработки, хранения и передачи информации культур-

ные коды, которые образно можно сравнить со «стволовыми клетками» или «культурными генами», чаще всего обретают выражение и закрепляются в символических формах.

Основными механизмами сохранения и трансляции культурных кодов являются тексты культуры, традиции, культурные инициативы, культурная политика, как деятельность акторов по сохранению и развитию культурных систем.

Тексты культурно-исторического наследия отражают, закрепляют, кодируют и расширяют в символических формах духовное, ценностно-смысловое содержание культуры, а также репрезентируют его в социальном пространстве. Памятники, посвященные историческим событиям и лицам, знаменательные даты и праздники, произведения литературы и искусства, иные знаково-коммуникативные формы (от государственных наград до экспонирования достижений в различных сферах и музейных ценностей) являются, в определенном смысле, символическим оформлением исторически сложившегося духовного наследия. В значительной степени на данной основе формируется государственно-национальная идеология как концентрированное выражение исторического прошлого.

Следующим механизмом трансляции культурных кодов выступают традиции. Эксплицитно традиция являет «способ осуществления преемственности, в котором интегрируются тенденции творческой деятельности прошлого, имеющие значение для современного развития... предполагает продуктивный тип связи между культурами, когда старое переходит в новое и активно работает в нем. ИмPLICITно традиции образуют „коллективную память“ нации, выступая предпосылкой и условием сохранения ее исторической идентичности»⁴. Поскольку культурная динамика представляет собой, в определенном смысле, бинарность сохранения и изменения культурных оппозиций традиционности и инноваций, то традиции выступают гарантией стабильности культурного развития, интеграции в новую реальность текстов культуры и, тем самым, сохранения культурных кодов.

Незаменимую роль традиций в качестве механизма сохранения культуры, накопления ценностей, ее элемента и средства трансляции, подчеркнул Д. С. Лихачев. Его исследование глубинных оснований русской культуры, национальных традиций, понимание ее как сакрального поля, точка зрения о том, что утрата традиции как части культуры может привести к ее деградации и, как следствие, к деградации личности, не сохраняющей в себе самой память

прошлого, актуально и в современном контексте проблем сохранения и трансляции духовного наследия. Духовные традиции не существуют в виде готовых текстов или моделей. Это сложные творческие интерпретации и трансляция ценностей прошлого в настоящее и проектируемое будущее. Отечественные духовные традиции отражают «соборность» проявления в различных областях социальной практики массового и индивидуального мышления, поиски «высшего смысла существования» и «высшей правды», стремление к нравственному самосовершенствованию (восходящее к И. Лествичнику), нравственный оптимизм, веру в справедливость. Духовные традиции Руси-России нашли свое отражение и закрепление в многочисленных произведениях художественного творчества, в философии, идеологии и иных культурных формах заложив основания российской культурной матрицы.

Культурные инициативы⁵ как механизм развития культурной системы и сохранения «коллективной памяти» отличаются массовостью и небывалым разнообразием форм, направленностью и содержанием. В рамках инициатив разрабатываются и апробируются программы и проекты решения актуальных политических, экономических, социальных, экологических и других проблем на основе активно пополняемых информационных ресурсов и анализа сложившейся ситуации в различных областях социальной практики. В то же время, отдельные инициативы сфокусированы на определенных проблемах, относительно ограничены в пространственно-временном отношении, ориентированы на конкретные цели. В зависимости от предметной области и целеполагания инициативы могут обретать не только культуросозидающий, но и деструктивный, разрушительный характер. Данная специфика культурных инициатив активно используется в политических целях посредством инициации политическими акторами различных структур гражданского общества. Нередко их спланированная деятельность позиционируется как волеизъявление народа, о чем свидетельствует опыт политических событий в различных регионах мира начала XXI в.

Культурная политика, как деятельность государства, так и иных субъектов не является, по сути, совокупностью решений и усилий только в области подведомственной сферы или реализации тех и иных проектов. Со стороны государства это стратегическое управление процессами, связанными с сохранением и обогащением культурной среды,

формированием ценностных ориентаций, общенациональной идеологии развития, гражданской идентичности, отвечающих глубинным духовным основаниям отечественной культуры. В проекте «Основ государственной культурной политики» отмечается актуальность передачи новым поколениям духовного опыта нации, обеспечения единства многонационального народа России, что во многом определит влияние России в мире⁶.

Пространство культуры в условиях информационной глобализации является не защищенным, по сути, от экспансии различных ценностных систем, декларирующих, а нередко агрессивно навязывающих с помощью различных манипулятивных технологий концепты, не отвечающие базовым ориентациям российского социума. Культурная колонизация как технология «перекодирования», является одной из распространённых практик. Первоначальным объектом данной практики является изменение эпистемологической матрицы, доминирующей в массовом сознании. Идеология «продвижения демократии и свободы», технологии «мягкой силы», «уязвимых мест», «осквернения ценностей», «молекулярной агрессии», «психоинформационных атак», доминирования в пространстве массовой культуры и ангажированное СМИ имплицитно ориентированы на изменение эпистемологической матрицы, дискредитации традиционной и продвижения новой символики (символов-конденсатов) в формировании иного политического пространства.

Одним из ключевых аспектов культурной политики является область гуманитарных знаний. Сокращение и ликвидация в вузовском образовании по примеру стран Евросоюза курсов истории и литературы, трансформации «культуры чтения» создают серьезные риски в практике сохранения ценностей отечественной культуры и национальной самобытности.

Политическая практика выстраивания символического пространства обретает характер культурной политики. Ее роль в данном контексте реализуется как культурное кодирование личностей-референтов и событий и декодирование, включение в общекультурный контекст тех ценностей, которые по различным основаниям правящие элиты стремятся актуализировать в массовом сознании и утвердить в качестве новых ценностей. Ярким примером такой практики может служить уничтожение фашистами памятников выдающимся деятелям французской культуры в 1940–1944 гг. Так были уничтожены памятники Виктору Гюго, Де ла Барру, Жан-Полу

Марату, Вольтеру, Лавуазье, Жан-Жаку Руссо, Этьену Доле, Шекспиру, Эмилю Золя, Франсуа Араго, Франсуа Распю, Шопену и даже Диогену⁷. Данная политико-символическая практика характерна и для исламских ультра-радикалов и для националистически ориентированных сил в отдельных восточноевропейских странах.

Эпистемологическая колонизация как часть культурной политики осуществляется различными акторами. Современный характер информационных коммуникаций позволяет внешним субъектам активно влиять на те или иные аспекты культурно-символического пространства и, используя ресурсы наднациональных универсалистских глобальных концептов (в том числе и посредством экспертных научных сообществ) осуществлять попытки трансформации культурных кодов. Здесь используются различные технологии, от подписания международных юридически обязывающих документов в различных областях социальной практики и реализации гуманитарных программ, до использования манипуляционных технологий типа окон Джозефа Овертона⁸.

В то же время, культурные системы, обладающие достаточными общегражданскими и национально-культурными идентификационными ресурсами, опирающиеся на национально-ориентированные концепты развития активно не приемлют сценарии, не отвечающие базовым ментальным характеристикам.

Отличительной особенностью политической культуры России является исторически сложившаяся тенденция противостояния доминирующих концептов общественного развития: либерального, проявляющегося в различных идеологических моделях глобализма, постмодернизма, смысл которого заключается в распространении евроатлантического типа и его ценностей на весь мир; коммунистического, отстаивающего идеи социального равенства и необходимость общественного переустройства; националистическо-расистского, проявляющегося в шовинизме и ксенофобии, идее превосходства белой расы, национальной неприязни, находящего выражение в крайних формах ультра-национализма и фашизма.

Учитывая многонациональный и многоконфессиональный характер российского социокультурного пространства, самоидентификации и привязанности этносов к определенным территориям (в отличие, например, от США, где колонизация земель осуществлялась переселенцами) действие отмеченных тенденций формирует культурную гетерогенность по иным основаниям – культурного обмена и вза-

имодействия многочисленных традиционных культур внутри российского социума. Российская государственность в ходе своего исторического развития обрела особое значение как базовая культурно-интегрирующая ценность, сочетающая общегражданскую, национально-культурные и конфессиональные идентичности не только в государственных границах, но и в ареале «русского мира».

Код российской государственности определил качественные характеристики современной политической культуры и особенности интеграционных процессов после глобальных потрясений XX в., грозивших обернуться распадом страны. В данном контексте вполне правомерным является утвердившееся в гуманитарной науке и общественном сознании, начиная с Н. Я. Данилевского⁹, понимание российского социокультурного пространства как особого евразийского типа цивилизационного развития.

В политической концептосфере и лексике в последние десятилетия обрело свой статус как понятие и технология «символическая политика». Диверсифицируя, по сути, различные политтехнологии в область социальной и культурной практики данный подход позволяет широко интерпретировать многочисленные аспекты взаимодействия политических акторов в различных сферах и на различных уровнях человеческой жизнедеятельности¹⁰.

Категория «символическая политика» в последние десятилетия, о чем свидетельствуют фундаментальные исследования, обрела свой статус как в теоретических подходах к анализу современной российской политической системы, так и является методологическим основанием конструирования ряда социальных практик. Преимущество концепта заключается в отказе от причинно-следственных связей при изучении отношений между социально-политической реальностью и ее восприятием индивидами, различными социальными группами, легитимными структурами и иными агентами, а также их деятельности, связанной с созданием и функционированием различных смысловых конструкций. Это один из факторов, который обуславливает «практичность» использования концепта «символическая политика», определяет его методологический потенциал.

Использование категории «символическая политика» открывает возможности понимания механизмов политического конструирования, проектирования моделей новых социально-политических реалий, анализа политических систем, реконструкции исторического прошлого и исторической памяти. Символическая политика (как технология) позволяет кодировать и интер-

претировать в сложившемся знаково-коммуникативном нарративе объективную реальность и конструировать ее политическую составляющую посредством символического действия.

Отличительной особенностью современного медиатизированного массового и группового сознания является освоение социального мира на основе конструируемых смыслов. Механизм их символической редукции позволяет использовать политическими акторами, в целях их репрезентации, ресурсы и технологии символической политики в публичном пространстве, прежде всего, в средствах массовой коммуникации.

В то же время информационная глобализация социума требует обращения к анализу функционирования в публичном пространстве символической информации (имеется в виду понимание информации как метафоры – средства выражения смыслов в форме коммуникабельных знаков (А. В. Соколов)¹¹, а также механизмов формирования аудиовизуальной, современной сетевой и сужения возможностей документальной коммуникаций, вне которых невозможно представить взаимодействие и оппонирование субъектов политического действия.

Понимание механизмов сохранения и трансляции кодов культуры открывает перспективу анализа специфики современной политической культуры, символических коммуникаций власти как центрального системообразующего компонента российских политических практик. Политические коммуникации, как обмен символической информацией, образуя локальные информационные поля, структурируют электоральные предпочтения, обуславливают редукцию текстов (метафор) политической культуры. Интерпретация культуры как «символического контейнера» социальной идентификации в современном обществе¹² и определяет возможности понимания механизмов реализации права индивидов на самореализацию и социальные инновации в политической сфере.

Таким образом, возможно констатировать, что в условиях глобализации и обусловленным данными процессами цивилизационными конфликтами технологии управления информацией и манипулирования массовым сознанием ориентированы на изменение цивилизационных и национальных культурных кодов. Политическая деятельность обретает характер многоканального коммуникационного манипулирования (символическая политика). Посредством социальных сетей и СМИ информационные потоки направляются на создание образов и мифов, позволяющих формировать новые эпистемо-

логические матрицы общественного сознания в регионах, являющихся объектами информационных вбросов. Об этом убедительно свидетельствуют события последнего десятилетия.

В рамках концепции «молекулярной агрессии и молекулярной революции» А. Грамши¹³ описаны информационные механизмы внедрения в культурное ядро общества (включающее в себя совокупность представлений о мире и человеке, добре и зле, символы, образы, традиции, предрассудки, знания) и манипулирования массовым поведением. Защитой от информационных потоков такого рода является только высокий уровень актуализации в национально-культурном пространстве ценностей подлинной гуманистической культуры, сохранения и доминирования исторически сложившейся эпистемологической матрицы в качестве системообразующего фактора национально-культурного самосознания, высокий уровень образованности населения.

Культурно и политически Россия в данный момент оказалась активным актором противодействия эпистемологической колонизации и использования технологий цивилизационного перекодирования. Концепция основ государственной культурной политики Российской Федерации, ориентированная на противодействие использованию «мягкой силы», информационного давления направлена на сохранение культурно-национальной самобытности народов, проживающих на ее территории, цивилизационных культурных кодов. В политическом пространстве, являющемся наиболее «болезненной» сферой эпистемологического противостояния и использования символических практик, в настоящее время формируется новый тип политической культуры современной России. От характера протекания данных процессов в значительной степени зависит сохранение России как Евразийской цивилизации, определение ее роли и места в мировом сообществе в обозримом будущем.

Примечания

¹ Храпова В. А. Текст как социокультурный код общества: монография. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во. 2006. 245 с.

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

³ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. С. 808.

⁴ Запесоцкий А. С., Лукьянов В. Г. Дмитрий Лихачев: о сущности культурной традиции // *Вопр. культурологии*. 2007. № 7. С. 4.

⁵ Культурные инициативы рассматриваются в широком смысле слова как совокупность гражданских, творческих, социальных, проектных и иных видов проявлений общественной активности.

⁶ Общественное обсуждение проекта «Основы государственной культурной политики». URL: <http://obsudiproekt.ru> (дата обращения: 14. 04. 2015).

⁷ История в фотографиях. Париж: статуи и памятники, которые были уничтожены или исчезли. Ч. 1. URL: <http://foto-history.livejournal.com> (дата обращения: 14. 04. 2015).

⁸ The overton window. A model of policy change. URL: <http://mackinac.org> (дата обращения: 14. 04. 2015).

⁹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому / сост. и коммент. Ю. А. Белова; отв. ред. О. Платонов. М.: Ин-т. рус. цивилизации, 2008. 816 с.

¹⁰ Возможно, более точной характеристикой сущности данного вида политической деятельности было бы определение «культурно-символическая политика».

¹¹ Соколов А. В. Информация как метафора // *Тр. СПбГУКИ*. 2013. Т. 200: Педагогика высшей школы: интерактивные технологии в образовании и культуре. С. 419–427. (Studium; вып. 1).

¹² Завершинский К. Ф. Символические структуры политической памяти // *Символическая политика: сб. науч. тр. / РАН, ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. исслед., Отд. полит. науки; отв. ред.: О. Ю. Малинова. М.: РАН ИНИОН, 2012. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. С. 161.*

¹³ Грамши А. Тюремные тетради: избр. произведения: в 3 т. М.: Изд-во иностр. лит., 1956–1959. 3 т.